

АНГЛИЙСКИЕ ПИСЬМА

1. Въезд
на остров

Мариэтта ШАГИНЯН

Ночью вы просыпаетесь в поезде от перемены движения. Вместо привычной дрожи с постукиванием, передающей бег колес, — медленное длинноволновое покачивание, как в колыбели, с ощущением столбняка на месте. В полутьме вы раскрываете глаза. Мягкая плюшевая лесенка прямо перед вашим носом, для пассажира верхней койки, мешает вам сразу встать с постели. Но вот вы приподняли край занавески. Желтый электрический свет бьет в окно вагона; серая длинная стена перед вами, напоминающая внутренность тоннеля. Рядом с вашим поездом, вытянувшись в ряд, стоят автомобили в той мертвенной неподвижности, какая бывает у спящих под утро. И в них, в той же сонной неподвижности, сидят люди, похожие на восковые куклы: спит шофер, опустив голову, но рукой охватив баранку; две старые дамы в ночных чепчиках положили головы на резиновые подушки; молодая чета плечом к плечу...

Вы проснулись как раз вовремя, чтоб поймать скрытый в ночной темноте процесс, называемый коротким английским глаголом «кросс». Это поезд пересекает Дуврский пролив — с континента на остров, из Франции в Англию, — не сходя со своих рельсов. И вот уже сияя голубизна рассвета, звуки, прогоняю-

щие ночь, какие-то очертания не то кранов, не то мачт, фигурки людей в железнодорожных мундирах, — симфония перехода с моря на сушу. А еще через полчаса щеголеватый официант приглашает вас отведать первый тяжелый английский или, последний для вас, легкий континентальный завтрак.

Вы можете прекрасно знать английскую литературу, наглядаться на сотни «видов» в кино, в альбомах, в книгах, и все же первая встреча с Англией потрясет вас своей новизной. Не «меловыми скалами» Дувра, почему-то упоминаемыми во всех путевых очерках. Не жизнью порта, — ее вы совсем не увидите из окна вагона. Но прежде чем узнали вы дивные создания подлинной английской архитектурной классики, — в Кентербери, в Оксфорде, в Рее, в Бате, во множестве старинных городков и деревень, — Дувр двинет на вас в огромном и мрачном количестве, сразу, без подготовки, — после мягких пейзажей с разбросанными, разноформенными постройками Чехословакии, Германии, Франции, — двинет на вас полчища того, что в первую минуту вы невольно сравните с «фалангами» Фурье, какими они представляются вашему воображению. Что это — склады? Каменные гофры бесконечных заводских помещений? Но нет, это жилые дома, — одинаковые дома-близнецы, из одного материала, одного цвета, одной высоты, одной формы, сливающиеся так, словно по бокам у них нет наружных стен, а только одна внутренняя, общая для двух соседей. И этот бесконечный дом, извивающийся вдоль улиц, напоминающий гофры гармошки, наверху увенчан острыми пирами высоких тонкошеих, как у жирафы, труб: почти каждая комната каждого дома через свой отдельный камин разговаривает — с небом — своей собственной трубой на крыше.

Полчища одинаковых домов, слитых друг с другом, устрашающе разнообразны. Но полчища труб на крышах играют, как ноты на пяти линейках, разными высотой и долготой: то они встают, как петушиные гребешки, на середине крыши, то скопляются, как клыки допотопного зверя, на одной ее части, то обрамляют ее стайками с двух сторон. Это первое впечатление от обычной жилой английской архитектуры действует на вас сразу же, с огромной силой, порождая десятки мыслей, пока движутся и плывут перед вами бесконечные узкие коридоры улиц с лентами и полукругами сплошных стен.

Как жители находят свои квартиры, свою дверь в этой каменной стене? Как жить в этих мрачных мешках, не очень высоких, но почти по-тюремному замкнутых, без единой щели, без единого просвета между домами? «Мой дом — моя крепость», — говорит англичанин, гордый недоступностью своего частного жилья, — и вы по этой пословице представляли себе

дом англичанина чем-то изолированным, отделенным от соседей, окруженным просторной площадью, высоким забором, — и вдруг это неприступное жилье англичанина, его «крепость», оказывается ребрышком в неисчислимом костяке других одинаковых ребрышек, связанных с соседями, как страницы одной книги или пальцы одной руки.

Но вот чувство ужаса, — я точно определяю первое мгновенное чувство, охватывающее вас, — начинает выстигиваться, как темнота перед рассветом, новыми, едва еще уловимыми стезжками других наблюдений. Как хорошо, как крепко, добротно все это построено! Да, это похоже на заводские корпуса, но ведь заводы монументальны, их железные каркасы заливаются крепчайшим цементом, сшиваются сталью, — и эти улицы домов-близнецов, они тоже так необычайно прочны и спиты вместе. Солидная Англия, солидная во всем, стяжавшая себе славу своей добротностью и солидностью, Англия мануфактуры, угля, портланд-цемента, стали, твердыня торговли и капитала, создательница стойкого английского характера, — вот она, в ее первой встрече с вами, во всей ее каменной серьезности без улыбки, — неужели она только такая?

Думать дальше некогда — надвигаются гулкие своды вокзала «Виктория», вы спускаетесь на английскую землю. Молчаливые таможенники, не очень дружелюбные, оглядывают ваши вещи и словно нехотя протягивают вам красную карточку с печатной надписью: «Добро пожаловать в Англию». Вы для них «эйлиен», чужой элемент, инородное тело, как и для большинства служащих в гостиницах. Уже несколько уstraшенный приемом, выходите вы из таможни — прямо на лондонскую улицу. Сыро, как в английских детективах, пасмурное небо над музыкальными клавишами и закорючками труб; не очень шумно — лишь какой-то особый рокочущий шелест автомашин по асфальту, новое для вас движение — справа. И хотя вы ступили на эту улицу впервые в жизни, хотя она мрачновата, а таможня уже успела заставить вас съезжиться внутренне, не проходит и нескольких дней, как вы с удивлением замечаете, что полюбили этот город, успели освоиться с ним, и вам легко и просто в нем, словно вы жили тут десятки лет.

Что помогает такой быстроте освоения Лондона? Из каких впечатлений складывается ваше чувство легкости и простоты?

Нет, кажется, ни одного очерка, ни одной книги об Англии, где по какой-то непостижимой инерции, вероятно, под влиянием путеводителей и энциклопедий, — не говорится о Лондоне, как о чудовищно большом городе, и не перечисляется, из каких разнообразных частей он состоит. На самом деле Лондон — маленький, он маленький субъективно, для того, кто живет в нем, имея определенный круг интересов и задач. Вель ощущение размера города складывается вовсе не из его пространственных масштабов, а из легкодоступности расстояний от вас до всех нужных вам мест.

Центральный Лондон, опоясанный своими «сёркусами» — кружочками маленьких площадей, Лондон библиотек, парков, театров, кино, музеев, выставок, вокзалов, названных по имени улиц, и железных дорог, расходящихся прямо с этих улиц во все стороны страны, — он и вообще невелик. Разумеется, для того, кто ездит на машине, когда приходится объезжать десятки улиц, чтоб попасть на ту, которая для пешехода была бы в двух шагах, — эти расстояния требуют времени. Но если вы любите ходить и не жалуете своих «пенни» на подземку, вы просто не будете чувствовать больших лондонских расстояний. Для меня попадать по два-три раза в день из моего, окруженного садами, «Аббатского Подворья» в самый центр Лондона казалось гораздо более легким, чем путешествовать с Арбата на Ново-Васманную в Москве, а между тем я в эти «два-три раза в день» пересекала почти всю территорию так называемого «основного» Лондона.

Два слова о метро, которое смыкается в нескольких местах Лондона с электричками пригородного типа. Не стану перечислять таких его преимуществ перед парижским, как изобилие удобных мягких мест и головок, окруженная быстрота движения. Но нельзя не полюбить его большой внутренней логики. Спустившись в него хотя бы впервые, вы не можете не найти дороги туда, куда вам надо, и не пересечь именно там и на тот поезд, какой необходим. Вас ведут надписи, ведут бережно, от стены к стене, от поворота к повороту, большие, ясные, вразумительные, иногда помогающие себе цветом («К Паддингтону — держитесь зеленого цвета!»); медленные эскалаторы местами сменяются быстрыми и вместительными, как гараж, лифтами; над кассами написано «Билеты и информация», — это значит, что, помимо билета (который вы можете купить и в удобнейших, выбрасывающих вам сдачу автоматах), вы

получаете еще устное разъяснение от кассира; но и этого мало — вам дадут, по вашей просьбе, бесплатно прекрасные маленькие карты-путеводители для автобусов («басов») и подземок. Спускаясь в метро, вы по стенным рекламам узнаете, что и где идет в театрах, если нет времени посмотреть в газетах; можете кое-где зайти и поесть; и, наконец, — забежать в «лава-тори» — великолепные, вместительные уборные, отсутствие которых так поражает

иностранцев в московском метро, — и за три пени вы получите миниатюрное мыло с чистым полотенцем, по использованию бросаемым в корзину. Помылись, причесались перед службой, перед театром...

Кстати, о картах. Не помню, в каком году можно было купить план Москвы, не говоря уже о планах других городов наших, сейчас наводняемых туристами. А ведь план — великое первое дело для освоения города. В Лондоне в любом магазине вы найдете не один, а десятки всевозможных планов вплоть до целого тома, где Лондон разбит на квадраты, с нанесением в них каждой улицы, каждого переулка. Ни разу не пришлось мне за долгих два месяца меланхолически призадуматься над вопросом, «где эта улица, где этот дом!» И так не только в Лондоне. Что уж говорить о городах, если, остановившись в закуской крохотной деревушки, мы получили от хозяина бара печатный путеводитель по достопримечательностям этой самой деревушки!

Второй решающий фактор в освоении Лондона осознается вами не сразу. Многим из нас, едущим за рубеж, кажется, что надо быть похожим — в одежде, в манерах, в языке — на тех, чью страну мы собираемся посетить; иначе ведь можете обратиться на себя внимание, резко выделиться, даже сделаться предметом шуток в газетах. Так вот, в применении к Англии, все это, говоря излюбленными словечками старых английских леди, — «фиддлстик энд раб-биш», — чепуха и ерунда. Лучшее, что вы можете сделать, приезжая в Лондон, это — постараться быть самим собой, искренне и предельно самим собой: ходить, как привыкли и как вам удобно, говорить своим «честным» английским языком, не стараться мурлыкать и заглатывать слова, фальшиво подражая неподражаемому для вас интонациям, — и, что самое важное, — не притворяться, не подделываться, не пытаться ассимилироваться, не «казаться», — а быть, просто быть таким, как вы есть. Только тогда, только если вы останетесь самим собой, — англичане перестанут обращать на вас внимание, и вы почувствуете себя легко и свободно.

И, наконец, последний фактор, с каким вам приходится столкнуться в Англии. Да, на вас не обращают никакого внимания, как и на себя англичанин как будто никакого внимания не обращает, любя свою старую, обношенную одежду, чиня по десятку раз ботинки, ведя себя всюду по-своему, подчас не совсем дисциплинированно. Приходилось мне иной раз наблюдать, как в помещениях, в метро, в поезде, где написано «не курить», англичанин преспокойно курит; как в садах и парках, где объявляются штрафы за бросание мусора в траву и стоят корзины для мусора, — англичане кидают мешочки, спички, окурки не в корзины, а на дорожку; вечерний Лондон, когда поднимается ветер, просто пугает вас, словно задворки какого-нибудь строительства, — столько всяких отбросов и бумажек крутится и несется по улице. Но при всем том англичанин сдержан. Он сдержан физиологически, многовековой привычкой подавлять внешние выражения своих эмоций. Особенно стыдится он открыто выражать хорошие, глубокие чувства, пряча их в остроумии, в юморе, для понимания которого нужно быть, впрочем, англичанином или более или менее образованным человеком, так часто прибегает он к литературным ассоциациям и примерам из истории. И в самых типичных описаниях «героя» в английском романе обязательно отчается у него «юмористический» (хьюмэрес) склад рта или огонек в глазах. И при этой постоянной внутренней сдержанности, смятенной юмором, вас иногда пугает неожиданная реакция английской толпы, — в театрах, в кино, на собраниях, — взрывом нервного смеха — не только там, где смешно, а подчас даже там, где не смешно, а трогательно или страшно. Один лондонец объяснил мне, что эта нервная реакция смехом на чувствительное и грустное вызывается напряжением от постоянной выдержки.

Так вот все эти противоречивые качества англичанина, создавшие ему репутацию необыкновенной замкнутости, сочетаются в английском народе с удивительной, сердечной **приветливостью**. Простые англичанин или англичанка, спешащие по своему делу, никогда не оставят вас на улице в беде. Кондукторша автобуса поможет сесть и выйти каждому пожилому пассажиру. Сосед в театре, в кино, в очереди через пять минут перестает быть для вас чужим, потому что, кроме приветливости, английский народ отличается еще свойством, которое зовут у нас добрым комсомольским словом «компанейский». Англичане охотно и сразу составят вам компанию, — особенно когда нужно помочь. Однажды ночью я ехала в Глазго. Нас было восемь человек в купе. Когда все остальные сели, я читала газету и не заметила, одна ли это семья. Молоденькая женщина с грудным ребенком устала его качать и передала соседу, юнине лет восемнадцати, — тот часа два ходил с ним по коридору, укачивая, — и я подумала, «какой хороший младший брат у нее». Две толстухи, открыв корзину, принялись за еду, протягивая друг другу бумажные тарелки с яствами. «Какие дружные сестры», — подумала я опять. Но потом они стали угощать всех нас, а хмурый старикан, всю дорогу не снимавший шляпы, таскал нам в Глазго все наши чемоданы, и выяснилось, что никто из них никогда до этого друг друга не знал.

Вот эта искренняя приветливость простого народа Британии и создает, как мне кажется, вместе со всеми перечисленными выше факторами, ту атмосферу простоты и удобства, в которой вы начинаете себя чувствовать на английской земле. И уже по-новому начинаете вы глядеть и на этот сомкнувшийся, словно единым строем выходящий навстречу вам, — каменный фронт своеобразных английских жилищ...

Едва ступила я на британскую почву, как мне пришлось не фигурально, а буквально попасть «с корабля на бал», — на происходивший в те дни в Лондоне двадцать восьмой конгресс Пенклуба, представлявший для нас, писателей, немало интереса.